

«Постмодернизм»: стигма и/или исследовательская программа?

А. И. Казанков¹, О. Л. Лейбович²

¹доцент кафедры культурологии и философии, кандидат философских наук,
Пермский государственный институт культуры.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

²доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор,
заведующий кафедрой культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5191-939X. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается эпистемологический статус постмодернизма в сфере гуманитарного знания. На основании анализа научных текстов, преимущественно исторической тематики, обосновывается актуальность философской рефлексии по поводу рецепции, адаптации и применения постмодернистских методологических установок. Современное отечественное гуманитарное знание продолжает процесс самоопределения по отношению к вызову постмодернизма. Поставленная в статье проблема заключается в том, каков фактический статус постмодернизма в теоретическом поле гуманитарного знания. Цель статьи – выяснить, является ли постмодернизм дисквалифицирующей оценкой научного текста, исключающей его из корпуса науки; либо постмодернистский подход к исследованию может обладать определенным эвристическим потенциалом. В исследовании применяется метод контекстуального анализа научных нарративов (философской герменевтики).

В результате проведенного истолкования отобранных текстов сделано несколько выводов, обладающих научной новизной.

Дискуссия по поводу постмодернизма в российском гуманитарном сообществе не может считаться завершенной. По отношению к нему выделены две группы исследователей: «реалисты», активно критикующие постмодернистскую эпистемологию либо игнорирующие ее. Они оперируют характерными для т. н. «естественной установки» приемами, отождествляющими содержание источника и аутентичную историческую реальность. Второй группе исследователей постмодернистская эпистемология действительно позволила расширить проблематику исторических изысканий, обогатить приемы работы с текстами, ввести антропологическое измерение событий прошлого, освоить новые форматы историописания.

Таким образом, мы считаем доказанной возможность применения постмодернистской методологии к постижению истории. Адекватное использование критики дискурса, учет многообразия его форм, фокусирование внимания на считавшихся ранее маргинальными сюжетах и социальных группах на современном этапе развития познания вполне оправданно. Постмодернизм не профанирует историю, а расширяет ее горизонты.

Ключевые слова: постмодернизм, эпистемология гуманитарных наук, история, дискурс, исторические факты, исторические источники.

На рубеже 2000-х годов гуманитарии негромко отпраздновали победу над постмодернизмом, по крайней мере, в области эстетики и политики (политической эстетики?). Предоставим слово М. Липовецкому: «Казалось бы, постмодернизм был побежден и забыт». Он даже указал точную дату «парадигмального сдвига»: «Через полгода случится 9/11, и все в один голос заговорят о “конце постмодернизма”, о “новой серьезности” и т. п.» [19]. Подобная точка зрения достаточно распространена [1; 5; 9; 22; 35].

Такая позиция не представляется нам достаточно обоснованной. Импульс, заданный постмодернизмом, продолжает действовать во всем пространстве гуманитарного знания. Его влияние обнаруживают в довольно экстравагантных местах: в отрицании холокоста, в неожиданных поворотах исторической политики, в содержании современного мифотворчества: «Пре-красной питательной средой для произрастания отрицательства является, согласно Ю. Царуски,

псевдоплюрализм с его “Anything goes”, а шире говоря – всепобеждающая атмосфера постмодернизма с его исторической проекцией: “Nothing was”!» [23, с. 519]. Для автора постмодернизм явно жив и продолжает оказывать все более пагубное влияние на ситуацию в современной культуре – не только российской, но и западной.

Губительные последствия постмодернистских практик в сфере образования отмечает журналист А. Генис, причем – на основе семейного опыта:

«Дело в том, что рассвет постмодернизма пришелся как раз на те два десятилетия, в которые уложилось образование моего сына. <...> С острым интересом человека, который платит за образование сына по 1000 долларов в месяц, я следил за ходом обучения. Утонченность его с трудом поддается описанию. Скажем, столь актуальную сегодня историю Ближнего Востока исследовали на примере торговли шелком в Леванте 19-века. <...> Избавляя студента от “большого нарратива”, от идеологизирующего рассказа, объясняющего мир и человека, постмодернизм заменил его микроисторией» [5].

Можно с достаточным основанием предположить – вызов постмодернизма не изжит и не пережит в гуманитарных сообществах. Поэтому обращение к его осмыслению является актуальной задачей для философской рефлексии по поводу современной культуры.

Для этого следует рассмотреть конкурирующие в поле гуманитарных наук исследовательские программы и концепты, выступающие в данном случае объектом философского анализа. А предметом нашего интереса станет статус постмодернизма в данном дисциплинарном поле. Главной проблемой, таким образом, становится выяснение того, чем именно он является – стигматизирующей (дисквалифицирующей) оценкой или легитимной и конструктивной научной методологией. Теоретическим основанием работы выступает философская герменевтика, помещающая конкретное явление (постмодернистские тексты) в социокультурный контекст. Наиболее релевантный корпус источников, на наш взгляд, для решения поставленных задач предоставляет историческое знание, где дебаты о постмодернизме протекают с наибольшей экспрессией.

Истолкование исторических текстов обнаруживает три модальности отношения к постмодернизму. Первую возможно обозначить как игнорацию. Этот модус отношения наиболее типичен для отечественных историков. Речь идет о тех исследователях, которых Л. Репина называет «реалистами» [25, с. 6]. Вот типичная формула игнорации (одна из многих): «Ничего не меняют и постоянные ссылки дисциплин, возникших в ХХ веке, на свою некую междисциплинарность¹» [21, с. 349]. Постмодернизм, так же как и междисциплинарность, – преходящее, временное явление, порожденное духовным кризисом ХХ века, нечто вроде детской болезни. Профессионал просто обязан избегать подобных приемов. Справедливо и обратное: историки, уличенные в постмодернизме не являются профессионалами.

Второй модус следует определить как активное противостояние, борьбу. Вот пример боевитого реализма: «В этой ситуации историки, желающие оставаться на реальном, хотя и по-разному определяемом пространстве своей дисциплины, не могут не реагировать на интеллектуальный “экстремизм” постмодернизма» [16, с. 124]. Для них постмодернизм представляет собой угрозу профессии, неся с собой упразднение всех академических традиций и правил, низведение научной дисциплины до мифотворчества. Более того, постмодернизм – это абсолютное зло, порождение князя тьмы, способное разрушить ценностный фундамент российской и европейской цивилизации: «Кризис наступил благодаря безоговорочной победе постмодернизма. В результате все выстраданные за тысячелетия гуманистические ценности или исчезли, или деградировали, ушли на задворки сознания или вглубь себя, став лишь одной из многих якобы “равноправных” отныне линий поведения» [23, с. 590–591].

Третий, безусловно, является модусом принятия, философско-методологической адаптации, заинтересованной интерпретации фундаментальных постмодернистских текстов. Их корпус уже, в целом, определился [см.: 18; 30; 7; 8; 2]. Модус притяжения помещает его приверженца в ситуацию оправдывающегося меньшинства, своего рода маргиналов. Избегая стигматизации, они вынуждены выступать под «чужим флагом» – как социальные историки, исторические антропологи, сторонники «междисциплинарного подхода». Мы не постмодернисты, а лишь предлагаем мыслить историю «с учетом всего того рационального, что содержится в постмодернизме» [20, с. 86].

Необходимо дать хотя бы рабочее определение того интеллектуального феномена, к которому историки столь по-разному относятся. Наиболее компактно эпистемологические

¹ «Междисциплинарность» в данном случае выступает важнейшим атрибутом постмодернизма.

импликации постмодернизма изложены в работах В. Н. Фурса [31, с. 74–78]. Прежде всего, он указывает на то, что постмодернизм (сам автор предпочитает термин «постмодерное состояние») есть негативное самоопределение по отношению к «модерну» (или Проекту Просвещения), базирующееся на нескольких базовых положениях, которым можно приписать статус онтологических. Это «смерть субъекта», «конец Истории», «исчезновение реальности» и «кризис интеллектуализма». В нашу задачу не входит полное и исчерпывающее развертывание указанных тезисов [см.: 24].

Эта своеобразная и довольно провокативная онтология разворачивается в несколько познавательных регулятивов, играющих роль постмодернистской эпистемологии. Прежде всего, речь идет о принципиальном плюрализме, означающем «отсутствие единой великой Истины и абсолютной системы отсчета у познающего, которая позволяла бы отобразить эту Истину во всеобъемлющей системе знания; множественность малых (частичных и конечных) истин, <...> контекстуализация познающего».

Далее, «любое знание как образ того, что есть “на самом деле”, – это локальный фантазм наряду с множеством равноправных ему других дискурсов; “на самом деле – никак”; фантазмы оправданы операционально, а не тем, что они “соответствуют действительности”». Поэтому любое знание не может освободиться от «прагматизма» и «операциональности». Реальность не существует до ее интерпретации и «в методическом плане данный регулятив можно реализовать, представляя конкурирующие концепции как веер возможных подходов к интерпретации той или иной проблемной области».

Наконец, с точки зрения этой эпистемологии всякий познавательный акт осуществляется методом бриколажа: «познание, перестав быть отображением действительности, становится разновидностью изобретательской деятельности; при этом, поскольку целостная картина мира невозможна, познающий (изобретатель) подобен леви-стрессовскому бриколёру» [31, с. 74–78]. Указанное обстоятельство позволяет постмодернистскому дискурсу легко пересекать дисциплинарные границы, приобретать свойство интертекстуальности [см.: 14].

Так, например, последователь М. Фуко в России О. В. Хархордин счел возможным истолковывать явление «горизонтального контроля» в советских коллективах, сопоставляя монастырский устав Иосифа Волоцкого (XV в.) и внутренний распорядок трудовой коммуны им. Дзержинского (XX в.) [32, с. 72–132]. Для историка-«реалиста» подобные сближения были бы недопустимы.

Попытаемся разобраться в том, почему данная гносеологическая стратегия способна вызывать описанный выше спектр реакций – от простого отторжения до осторожного приятия.

Рассмотрим по пунктам негативные позиции (игнорация и борьба). Первым пунктом в списке претензий, на наш взгляд, является принципиальная установка постмодернистской эпистемологии на равноправность различных форм дискурса. В негативной редакции этот тезис становится еще определеннее: привилегированных видов текстов не существует, «маргиналии» обладают той же значимостью, что и основной «корпус»: «представители постмодернизма не признают традиционную иерархию “исторических источников” в том виде, как она сложилась в академической науке XIX века» [16, с. 124]. Данный тезис содержит ряд имплицитных положений, нуждающихся в анализе и контекстуализации.

Прежде всего, специалисты-источниковеды не говорят об «иерархии» источников, а только лишь об их классификации [см.: 34]. Поэтому можно говорить о классифицирующем признаке, который при этом не является ранжирующим признаком. Цитируемый критик постмодернизма допускает в данном случае оговорку по Фрейдю. Тем она и интересна, поскольку предъясняет нечто из области «коллективного бессознательного» исторического сообщества. В самом деле, на чем может основываться иерархия источников? Возможны два объяснения. Первое: источники по-разному соотносены с «аутентичной картиной эпохи», т. е. обладают различной степенью истинности. Так, доклад секретаря областного комитета партии, снабженный грифом «Секретно», должен содержать в себе более достоверные сведения об экономическом положении, чем записная книжка домохозяйки или дневник рабочего. Второе: не случайно рядом с понятием «иерархия» появилось другое значимое слово – «традиционная». В нем мы находим скрытую отсылку к авторитетным историкам XIX–XX веков, среди которых тоже есть определенная иерархия. Таким образом, статус источника у историка-реалиста определяется примерно так: маститый историк определяет документы, имеющие первостепенное или второстепенное отношение к объективной истине.

Скрытое в «коллективном бессознательном» историков представление об иерархии источников весьма любопытно, но мы должны согласиться скорее с его постмодернистской

критикой. Говорить о большей или меньшей «фактичности» или, если угодно, онтологичности источника невозможно *a priori*. Любой текст, вне зависимости от его происхождения и авторства, находится в неоднозначном отношении к действительности. Проще говоря, он не содержит в себе готовых фактов (т. е. фиксации свершившегося, уже произошедшего), как часто артикулируется в историческом сообществе.

Постмодернистская прививка от наивного реализма действительно необходима. Она, по крайней мере, избавляет от желания найти в архиве самый главный, самый правдивый, самый секретный, окончательный исторический источник. Она, к слову, возвращает историков к исходному пункту становления их дисциплинарной области – необходимо-критическому отношению к любому документу. А подобное отношение не признает привилегированного дискурса.

Необходимо поместить ситуацию в социокультурный контекст. Резонно предположить, что она сложилась в виде фонового ожидания в период «архивной революции» 90-х годов XX века. В результате массового ввода в научный оборот прежде засекреченных документов произошло неотрефлексированное замещение «скрываемой правды» и «архивных тайн». На основе этого сложилась следующая презумпция: открытие документа равносильно раскрытию объективной истины, того, что было «на самом деле».

Весомой претензией к постмодернистским методологическим приемам является то, что они замещают факты текстами: «Для сторонников исторического постмодернизма характерна сущностная замена исторического факта (зафиксированного в тексте) текстом (как историческим фактом *sue ipso*). В результате основным объектом исследования становятся “литературные” тексты, отражающие не действительность, а систему ее самоописания и самопознания (дискурс)» [16, с. 124]. Если так, то и сама научная истина становится проблематичной, а суждения эксперта и профана уравниваются (мы все находимся внутри одного и того же дискурса). Добавим к этому авторитетное мнение лингвиста А. А. Зализняка: «Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке» [10, с. 34].

Данный аргумент против постмодернизма нуждается в особом комментарии. Возможно, здесь мы имеем дело с обычным непониманием оправданного методологического хода. Постмодернистская методология не превращает факты в высказывания. Напротив, она старается сделать высказывания фактами. Поясним это на приведенном выше примере. Суждение о том, что Дарвин неправ, действительно противоречит установленным естествознанием фактам.

Но для исследователя актуальной российской культуры сама критика «девочкой-пятиклассницей» теории эволюции является значимым фактом, который нуждается во всестороннем анализе. Историк современности как раз допустимость высказывания подобного дилетантского суждения позволяет сформулировать ряд вопросов – или даже целую исследовательскую программу. Например, в какой культурной ситуации возможна «полемика» школьницы с Дарвином, какую роль в ней сыграли семейное и школьное воспитание, конфессиональная политика, средства массовой информации и пр. Согласимся, вопросы эти значимы, актуальны и обладают несомненным научным статусом. Они позволяют обнаружить объекты, впервые обозначенные именно постмодернистской методологией: эпистема, ментальность, диспозитивы, практики – т. е. понятия, активно разрабатываемые в работах, например, М. Фуко. Такое усложнение научной повестки действительно является заслугой постмодернистов, отнюдь не опровергающей установленные факты из истории естествознания.

Самой масштабной и финальной (во всех отношениях) выступает следующая претензия: «В постмодернистской модели мира нет категории Истины, как и категории Идеала: всякий из локальных проектов имеет локальный же, ситуативный, контекстуальный идеал и контекстуальную истину, всегда текучую, изменчивую, не фиксированную» [15, с. 35]. Следует признать, что В. Курицын действительно прав. Частью постмодернистской парадигмы является отсутствие любой, как трансцендентной (Бог), так и имманентной (коммунизм) телеологии, а вместе с ней – Идеала (с большой буквы).

То, что представляет собой единственная Истина, отчеканил А. Н. Толстой в своем выступлении на X съезде ВЛКСМ:

«Иные из советских литераторов с трудом усваивают, что истина, одна, отчетливая, ясная, реальная, осуществляемая всем нашим строительством истина – учение четырех великих мыслителей и вождей человечества – бережется в Центральном Комитете партии большевиков, и руководить историей страны думами человеческими у нас не поручено безответственной инициативе» [27, с. 325].

Вопреки мнению А. Н. Толстого, истина всегда конкретна. Про невозможность истины (с заглавной буквы) хорошо написал когда-то А. Кожев. Основываясь на философии Г. Гегеля, он указал на фундаментальный факт человеческой конечности как главного к этому препятствия [см., напр.: 12, с. 146]. Для современного исследователя идентификация с диалектическим представлением о «процессе истины» не является чем-то постыдным или недопустимым.

Утверждение единственной истины имеет еще один эпистемологический аспект: такая истина возможна только при наличии абсолютного наблюдателя, или наблюдателя, занимающего идеальную привилегированную позицию в реальности. В естествознании классического периода такая иллюзия существовала, позволяя представить объект «сам по себе» [см.: 26, с. 46–47]. В современном гуманитарном знании культивируется опыт возрождения этого давно пережитого естествоиспытателями заблуждения. Мы имеем в виду стремления заменить осмысленный дискурс (вербальный нарратив) цифровыми рядами, т. е. ввести в социальное знание *mathesis universalis* (в английском варианте – *digital humanities*). В обиход гуманитария вводится термин «цифровая оптика», трактуемая «...как инструмент, применяемый в связанной и перекрестной истории для обеспечения многомерного связывания проблем, направлений и тем, периодов и пространств» [4, с. 180].

Если историческая реальность есть нечто исчисляемое, то в сущности она должна иметь числовую (экстенсивную) природу. В ней должны обитать «умные» математические сущности – когда-то именно эту гипотезу Галилея применительно к Природе Э. Гуссерль назвал его главным вкладом в науку: «весь конкретный мир должен раскрыть себя как математически объективный» [6, с. 78]. Но не следует забывать о том, что: «наука Галилея опирается на иллюстрированную метафизику» [29, с. 161]. В своем стремлении оперировать «большими базами данных» приверженцы «цифровой оптики» вынуждены минимизировать критику каждого используемого источника. В конечном счете, это приводит к онтологизации статистических таблиц и схем, извлеченных из официальных бумаг: отчетов, планов, справок.

В качестве примера можно привести статистический сборник по итогам переписи 1939 г., изданный в Екатеринбурге, в котором без комментариев приводятся рассекреченные материалы по областям Уральского региона [3]. Между тем, эксперты-демографы в течение тридцати лет высказывают обоснованные сомнения в достоверности представленных в переписи 1939 года данных [28, с. 100–117]. Следует признать, что цифры сами по себе обладают несколько не большей «фактичностью», чем дискурс, находящийся в центре внимания постмодернистской методологии.

Подведем промежуточный итог. Историки, стремящиеся превратить определение «постмодернизм» во что-то вроде снижающей оценки, а написанные в пределах этой методологической программы исследования – либо в объект игнорации, либо в объект уничтожающей критики, чаще всего имеют о постмодернизме превращенное представление: «Постмодернизм – не прием, не система творческих принципов, не метод научного исследования, это особое мировоззрение...» [1, с. 73]. Своего рода антисистема (или антинаука). Причина подобного отношения, по мнению авторов, заключается в том, что постмодернистский вызов затрагивает коллективное бессознательное гуманитарного сообщества, ставит под сомнение их профессиональный статус, угрожает девальвацией их академических достижений – и вообще, все слишком усложняет и хаотизирует. С последним тезисом мы отчасти согласимся.

Настал черед определить, какие эвристические возможности предоставляет российскому гуманитарии «постмодернистское усложнение» научной повестки. Для этого следует обратиться к тем работам, в которых новые методологии адаптируются к решению конкретных исследовательских задач.

Прежде всего, в них заметна тенденцию к сжатию хронотопа, привязка к малым сообществам (чаще всего маргинальным, непрестижным, на советском языке «нетипичным»), «маленьким» людям [см., напр.: 11; 13; 17; 36]. Далее, в них отчетливо видно стремление ввести в научный оборот новые виды источников, что соответствует выдвинутому постмодернизмом принципу равноправия многообразных форм дискурса. К тому же, постмодернистская критика дезавуирует распространенное в среде историков упрощенное представление о том, что «в источниках содержатся факты» и требует более глубокой работы с текстами.

Всё это, в свою очередь, органично вписывается в антропологический поворот, наметившийся в последние десятилетия в мировой гуманитаристике. Работа историка, действительно, становится более многообразной и сложной: приходится вводить в исследование анализ ментальности акторов (массовидных, безымянных агентов исторического действия),

эксплицировать их латентные культурные установки, уметь интерпретировать дискурсивные формации (языки эпохи)². Современному гуманитария приходится иметь дело с индивидуальным (или осуществлять индивидуацию) и, главное, каким-то образом представлять себя (свою позицию, субъективность) в исследуемом предмете. Действительно, по мнению Н. Козловой, специфика работы гуманитария заключается в том, что «ты переописываешь тех, кто сам себя уже описал и понял» [13, с. 25]. И неизбежно присутствуешь (как автор) в этом переописывании.

Историки, ищущие в текстах следы «маленького» человека, редко манифестируют свою принадлежность к постмодернизму, однако часто на практике придерживаются предложенным этой методологией принципам: «М. Фуко неоднократно повторял, что сегодня вопросы всеобщего значения возможно рассматривать только в контексте обращения к их исторически единичным формам» [13, с. 29]. Здесь ссылка на М. Фуко вполне уместна – именно как способ легитимации определенной исследовательской программы.

Кроме того, современные гуманитарии не могут не принимать в расчет явно и отчетливо сформулированный постмодернистами тезис о нелинейной («ризомной») причинности, действующей в человеческих обществах. Напомнить об этом еще раз было не лишним, а также и о том, что исторический процесс представляет диалектическое единство континуальности и прерывности. И «разрывы», маркирующие «короткий шаг» истории, тоже заслуживают внимания.

Рассмотрим типичный научный предрассудок, восходящий еще к эпохе Просвещения: человек – субъект истории, поэтому его субъективность присутствует на всех этапах исторического процесса. Понадобились специальные исследования М. Фуко, О. Хархордина, Й. Хелльбека, И. Халфина для того, чтобы продемонстрировать, как быстро, сравнительно недавно и взрывным образом была сформирована человеческая субъективность.

Подведем итоги. Произведенный выше анализ поля гуманитарных исследований позволяет идентифицировать две группы ученых, по-разному позиционирующих себя по отношению к постмодернизму. Первая, назовем ее условно «реалисты», ориентируется на традиционные методы изучения социума, стремится защитить и сохранить свой статус экспертов от нашествия дилетантов. Для них «постмодернизм» явно является стигмой. Ученые, принадлежащие к вышеуказанной группе, занимают доминирующие позиции в научных институтах, в том числе – в диссертационных советах. Это обстоятельство и предопределяет то, что в гуманитарных сообществах постмодернизм имеет негативные коннотации.

Другая группа исследователей смогла освоить и научилась применять на практике методологические принципы, установки и техники, так или иначе связанные с постмодернизмом. Для них это просто способ расширить спектр исследований, ввести новые предметы, выдвинуть не артикулированные ранее гипотезы. Сознательно избегая больших нарративов, они успешно осваивают «короткий формат», чему, как ни странно, способствует внедряемая административными институтами наукометрия. Гуманитарий, вне зависимости от своих методологических пристрастий, обязан публиковать как можно больше журнальных статей объемом не более авторского листа. Большие нарративы вымываются из научного оборота. К тому же, гуманитариям навязываются языковые игры. Один и тот же предмет исследования мультиплицируется для разных периодических изданий «из перечня рецензируемых журналов». Поскольку речь зачастую идет об одном и том же содержании, авторам остается только менять фигуры речи. Это отнюдь не постмодернизм – как некая исследовательская программа, это реальные практики эпохи постмодерна.

Сделанные нами выводы имеют значимое ограничение. Они относятся строго к эпистемологической сфере, но не могут быть распространены к области эстетического, в которой время постмодернистских игр и иронии действительно закончилось. Авторы склонны считать, что реакция на постмодернистский вызов представляет собой необходимый этап в развитии гуманитарного знания, элементом его обновления.

Список литературы

1. Богданова О. В. Постмодернизм: к истории явления и его органичности современному русскому литературному процессу // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2003. № 2. С. 73–88.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. Москва : Добросвет, 2000. 387 с.

² Так, в партийном языке 1949 г. слово «поборничество» означало две не совпадающие друг с другом практики: для секретаря райкома – поборы с подведомственных организаций; для стрелочника железной дороги – просьбы о подавании (нищенство).

3. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сборник материалов / Сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
4. Гагарина Д. А., Корниенко С. И. Цифровая оптика: микро и макро в историческом исследовании // Вестник Пермского университета. 2019. № 3. С. 175–184.
5. Генис А. Блеск и нищета постмодернизма. 27 января 2003. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200028.html>.
6. Гуссерль Э. Философия как строгая наука : пер. с нем. / Э. Гуссерль. Новочеркасск : Сагуна, 1994. 357 с.
7. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. Москва : Академический проект, 2015. 416 с.
8. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. 430 с.
9. Емелин В. А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2 (26). С. 5–15. DOI: 10.11621/npj.2017.0202.
10. Зализняк А. А. Истина существует // Математическое просвещение. Сер. 3. 2019. Вып. 23. С. 31–35.
11. Зубкова Е. «Советский нищий»: опыт реконструкции коллективного портрета 1950-х гг. // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 2. С. 221–236.
12. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / А. Кожев. Москва : Логос ; Прогресс-Традиция, 1998. 208 с.
13. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. Москва : Европа, 2005. 544 с.
14. Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004. 654 с.
15. Курицын В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 382 с.
16. Кусаинов А. А. Историческая наука в эпоху постмодерна // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 121–124.
17. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
18. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. Москва : Инион РАН, 1995. С. 168–184.
19. Липовецкий М. Псевдоморфоза: Реакционный постмодернизм как проблема // НЛО. 2018. № 3 (151). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19759.
20. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / А. Лубский. Москва : Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.
21. Мосионжик Л. А. Технология исторического мифа / Отв. ред. С. Е. Эрлих. СПб. : Нестор-История, 2012. 404 с.
22. Петровская Е. Триумфальное шествие постмодернизма. 15 марта 2012. URL: <https://m.polit.ru/article/2012/03/15/ip150312>.
23. Полян П. М. Историмор, или Трепанация памяти / П. М. Полян. Москва : АСТ, 2016. 624 с.
24. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн. : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2001. 1040 с.
25. Репина Л. П. Историческая теория после «культурного поворота» // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 5–13.
26. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013 № 4. С. 45–59.
27. Толстой А. Н. Больше творческого дерзания : Речь на X съезде Всесоюзного Ленинского комсомола 19 апреля 1936 года / А. Н. Толстой. Собр. соч. Т. 10. М. : ГИХЛ, 1961. С. 322–328.
28. Тольц М. Итоги переписи населения СССР 1939 г.: две проблемы адекватности // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 100–117.
29. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. Москва : Хранитель, 2007. 413 с.
30. Фуко М. «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» / М. Фуко. Москва, Ад Маргинем, 2018. 416 с.
31. Фурс В. Н. Эпистемологические импликации постмодерной кондиции – новые стратегические ориентиры образования // Образование в современной культуре. Альманах 1. Сер. : Университет в перспективе развития. Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ / Под ред. М. А. Гусаковского. Мн. : ПроPILEI, 2001. С. 74–78 (128 с.)
32. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / Олег Хархордин. Изд. 2-е. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.
33. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Ленинград : Наука, 1985. С. 3–24.
34. Эпштейн М. Н. Прото-, или конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3. С. 196–209.
35. Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма / Г. Янковская. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2007. 312 с.

"Postmodernism": stigma and/or research program?

A. I. Kazankov¹, O. L. Leibovich²

¹associate professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, PhD in Philosophical Sciences, Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

²Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-5191-939X. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract. The article considers the epistemological status of postmodernism in the field of humanitarian knowledge. Based on the analysis of scientific texts, mainly historical topics, the relevance of philosophical reflection on the reception, adaptation and application of postmodern methodological attitudes is substantiated. Modern domestic humanitarian knowledge continues the process of self-determination in relation to the challenge of postmodernism. The problem posed in the article is what is the actual status of postmodernism in the theoretical field of humanitarian knowledge. The purpose of the article is to find out whether postmodernism is a disqualifying assessment of a scientific text, excluding it from the corpus of science; or a postmodern approach to research may have a certain heuristic potential. The research uses the method of contextual analysis of scientific narratives (philosophical hermeneutics).

As a result of the interpretation of the selected texts, several conclusions have been made that have scientific novelty.

The discussion about postmodernism in the Russian humanitarian community cannot be considered complete. In relation to it, two groups of researchers are distinguished: "realists" who actively criticize postmodern epistemology or ignore it. They operate with the techniques typical for the so-called "natural installation", identifying the content of the source and the authentic historical reality. The second group of researchers, postmodern epistemology, really allowed to expand the problems of historical research, enrich the methods of working with texts, introduce an anthropological dimension of past events, and master new formats of historical writing.

Thus, we consider the possibility of applying the postmodern methodology to the comprehension of history to be proven. An adequate use of the criticism of discourse, taking into account the diversity of its forms, focusing on previously considered marginal subjects and social groups at the present stage of the development of cognition is quite justified. Postmodernism does not profane history, but expands its horizons.

Keywords: postmodernism, epistemology of the humanities, history, discourse, historical facts, historical sources.

References

1. Bogdanova O. V. *Postmodernizm: k istorii yavleniya i ego organichnosti sovremennomu russkomu literaturnomu processu* [Postmodernism: towards the history of the phenomenon and its organicity to the modern Russian literary process] // *Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istoriya – Herald of St. Petersburg State University. Ser. 2. History.* 2003. No. 2. Pp. 73–88.
2. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death] / J. Baudrillard. M. Dobrosvet. 2000. 387 p.
3. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region : sbornik materialov – The All-Union population census of the USSR in 1939: The Ural region : collection of materials / Comp. V. P. Motrevich. Yekaterinburg. Humanitarian University. 2002. 372 p.*
4. Gagarina D. A., Kornienko S. I. *Cifrovaya optika: mikro i makro v istoricheskom issledovanii* [Digital optics: micro and macro in historical research] // *Vestnik Permskogo universiteta – Herald of the Perm University.* 2019. No. 3. Pp. 175–184.
5. Genis A. *Blesk i nishcheta postmodernizma. 27 yanvarya 2003* [Glitter and poverty of postmodernism. January 27, 2003]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/24200028.html>.
6. Husserl E. *Filosofiya kak strogaya nauka : per. s nem.* [Philosophy as a strict science : trans. from German] / E. Husserl. Novocherkassk. Saguna. 1994. 357 p.
7. Deleuze J. *Logika smysla* [The logic of meaning] / J. Deleuze. M. Academicheskii Project. 2015. 416 p.
8. Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [Letter and difference] / J. Derrida. Saint Petersburg. Academicheskii Project. 2000. 430 p.
9. Emelin V. A. *Krizis postmodernizma i poterya ustojchivoy identichnosti* [The crisis of postmodernism and the loss of a stable identity] // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal.* 2017. No. 2 (26). Pp. 5–15. DOI: 10.11621/npj. 2017. 0202.
10. Zaliznyak A. A. *Istina sushchestvuet* [The truth exists] // *Matematicheskoe prosveshchenie – Mathematical enlightenment. Ser. 3.* 2019. Is. 23. Pp. 31–35.
11. Zubkova E. *"Sovetskij nishchij": opyt rekonstrukcii kollektivnogo portreta 1950-h gg.* ["The Soviet Beggar": the experience of reconstructing a collective portrait of the 1950s.] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki – Journal of Social Policy Research.* 2018. No. 2. Pp. 221–236.

12. Kozhev A. *Ideya smerti v filosofii Gegelya* [The idea of death in the philosophy of Hegel] / A. Kozhev. M. Logos; Progress-Traditsiya. 1998. 208 p.
13. Kozlova N. *Sovetskie lyudi. Sceny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. M. Evropa (Europe). 2005. 544 p.
14. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy : Razrushenie poetiki* [Selected works : The destruction of poetics]. M. ROSSPAN. 2004. 654 p.
15. Kuritsyn V. *Russkij literaturnyj postmodernizm* [Russian literary postmodernism] / V. Kuritsyn. M. OLMA-PRESS. 2001. 382 p.
16. Kusainov A. A. *Istoricheskaya nauka v epohu postmoderna* [Historical science in the postmodern era] // *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of the Volga. Ser. 4. History. Regional studies. International relations. 2004. No. 9. Pp. 121–124.
17. Leбина N. B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to the Great Style] / N. Leбина. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2015. 488 p.
18. Liotar Zh-F. *Otvet na vopros: chto takoe postmodern?* [The answer to the question: what is postmodern?] // *Na putyah postmodernizma* – On the paths of postmodernism. M. Inion RAS. 1995. Pp. 168–184.
19. Lipoveckij M. *Pseudomorfoza: Reakcionnyj postmodernizm kak problema* [Pseudomorphosis: Reactionary postmodernism as a problem] // *NLO – UFO*. 2018. No. 3 (151). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19759.
20. Lubskij A. V. *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative models of historical research] / A. Lubsky. M. Socio-humanitarian knowledge. 2005. 352 p.
21. Mosionzhnik L. A. *Tekhnologiya istoricheskogo mifa* [Technology of historical myth] / Ed. by S. E. Erlich. SPb. Nestor-Istoriya. 2012. 404 p.
22. Petrovskaya E. *Triumfal'noe shestvie postmodernizma. 15 marta 2012* [The triumphal march of postmodernism. March 15, 2012]. Available at: <https://m.polit.ru/article/2012/03/15/ip150312>.
23. Polyan P. M. *Istorimor, ili Trepanaciya pamyati* [Istorimor, or Trepanation of memory] / P. M. Polyan. M. AST. 2016. 624 p.
24. *Postmodernizm. Enciklopediya* – Postmodernism. Encyclopedia. Mn.: Interpresservice; Knizhny dom (Book House). 2001. 1040 p.
25. Repina L. P. *Istoricheskaya teoriya posle "kul'turnogo povorota"* [Historical theory after the "cultural turn"] // *Dialog so vremenem* – Dialog with time. 2007. No. 20. Pp. 5–13.
26. Stepin V. S. *Tipy nauchnoj racional'nosti i sinergeticheskaya paradigma* [Types of scientific rationality and synergetic paradigm] // *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* – Complexity. The mind. Post-non-classical. 2013 No. 4. Pp. 45–59.
27. Tolstoj A. N. *Bol'she tvorcheskogo derzaniya : Rech' na X s'ezde Vsesoyuznogo Leninskogo komsomola 19 aprelya 1936 goda* [More creative daring : Speech at the X Congress of the All-Union Lenin Komsomol on April 19, 1936] / A. N. Tolstoy. Coll. works. Vol. 10. M. GIHL. 1961. Pp. 322–328.
28. Tol'c M. *Itogi perepisi naseleniya SSSR 1939 g.: dve problemy adekvatnosti* [The results of the USSR population census of 1939: two problems of adequacy] // *Demograficheskoe obozrenie* – Demographic review. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 100–117.
29. Feyerabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya* [Against method. An essay on the anarchist theory of knowledge] / P. Feyerabend. M. The Guardian. 2007. 413 p.
30. Fuko M. *"Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my"* ["To supervise and punish. The Birth of prison"] / M. Foucault. M. Ad Marginem. 2018. 416 p.
31. Furs V. N. *Epistemologicheskie implikacii postmodernoj kondicii – novye strategicheskie orientiry obrazovaniya* [Epistemological implications of the postmodern condition – new strategic guidelines of education] // *Obrazovanie v sovremennoj kul'ture. Al'manah 1. Ser.: Universitet v perspektive razvitiya. Belorusskij gosudarstvennyj universitet. Centr problem razvitiya obrazovaniya BGU* – Education in modern culture. Almanac 1. Ser.: University in the perspective of development. Belarusian State University. Center for Problems of Education Development of BSU / Ed. by M. A. Gusakovskiy. Mn. Propilei. 2001. Pp. 74–78 (128 p.)
32. Harhordin O. B. *Oblichat' i licemerit': genealogiya rossijskoj lichnosti* [To denounce and hypocrite: the genealogy of the Russian personality] / Oleg Kharkhordin. Ed. 2-e. SPb. European University in St. Petersburg. 2016. 508 p.
33. Schmidt S. O. *O klassifikacii istoricheskikh istochnikov* [On the classification of historical sources] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny* – Auxiliary historical disciplines. Vol. 16. Leningrad. Nauka 1985. Pp. 3–24.
34. Epstejn M. N. *Proto-, ili konec postmodernizma* [Proto-, or the end of postmodernism] // *Znamya* – Banner. 1996. No. 3. Pp. 196–209.
35. Yankovskaya G. A. *Iskusstvo, den'gi i politika: hudozhnik v gody pozdnego stalinizma* [Art, money and politics: the artist in the years of late Stalinism] / G. Yankovskaya. Perm. Perm State University. 2007. 312 p.